

что эти особые художественные знаки имели необыкновенное значение и ценность в ту эпоху, они напоминали потомкам о подвигах павших героев и преданным делу революции патриотам о необходимости идти вперед.

1. 陆丹林. 黄花冈纪游 / 陆丹林 // 旅行杂志 – 1929年. – 02期. – 27页 – Лу, Даньлин. Путевые заметки Хуанхуагана / Даньлин Лу // Походный журнал. – 1929. – № 2. – С. 27.

2. 米歇尔·沃维尔, 高凌瀚、蔡锦涛译: 《死亡文化史》 / 米歇尔·沃维尔. – 中国人民大学出版社, 2010年, – 759页 – Вовель, Мишель. История смерти / Мишель Вовель; пер. с фр. Гао Линхань, Цай Цзиньтао. – Пекин: Изд-во Китайского народного ун-та, 2010. – 759 с.

3. 李国. 《连接生死之间——清末至五四的祭悼文学及文化转型》 / 博士学位论文, 南开大学文学院, 2012年. – 16页 – Ли, Го. Мемориальная литература и культурные трансформации в период с конца Цинской эпохи до Движения 4 мая / Го Ли. – Нанькай: Ин-т лит. Нанькайского ун-та, 2012. – 16 с.

4. 陈一萍. 《先行者之歌——辛亥革命时期歌曲200首》 / 陈一萍. – 武汉大学出版, 2009年, – 166页 – Чэнь, Ипин. Песни предшественников. 200 песен периода Синьхайской революции / Ипин Чэнь. – Ухань: Изд-во Уханьского ун-та, 2009. – 166 с.

ИНФАНТИЦИД КАК КУЛЬТУРНАЯ НОРМА АРХАИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА КИТАЯ

Чжао Цзэнфан,

*соискатель ученой степени кандидата культурологии
Белорусского государственного университета культуры и искусств*

Детская популяция, являясь субъектом китайской цивилизации, органично включена во временное пространство, реализует себя в историческом периоде и социальном процессе. В китайском гуманитарном дискурсе детство интерпретируется не как биологическое состояние ребенка, а как его социальный статус, т. е. как набор прав и обязанностей, видов деятельности в этот начальный период жизни, когда формируются основные психические и социальные свойства индивида. Важную роль на этом этапе развития ребенка играет представление о взаимоотношениях детей и взрослых.

Как показывает изучение истории детства, в разные периоды социодинамики китайской культуры отношения к личности ребенка со стороны взрослых, его месту и роли в семье и социуме изменялись.

Для традиционного общества Китая была характерна амбивалентность в отношении к детям. Дети одновременно являлись персонификацией невинности и в то же время воспринимались как существа, лишенные разума. Инфантицид, или детоубийство, не считался преступлением, предполагалось, что их отправляют обратно в мир духов. Исследование причин этого явления в архаическом обществе показывает, что его распространенность детерминирована низким уровнем материального производства, которое не позволяло обеспечить всем необходимым большое потомство. Экономика в китайском обществе в течение продолжительного времени сохраняла довольно примитивные формы. Западноевропейский философ Г. В. Ф. Гегель полагал, что практика инфантицида являлась также прямым свидетельством слабых правовых устоев государства [1, с. 231].

Российский синолог Л. Я. Штернберг писал, что бедному населению Китая разрешалось бросать детей по большим дорогам и поблизости воды в надежде, что какой-нибудь добрый человек подберет их. Подкидыши были обычным явлением [7]. Экономический характер детоубийства выделяют и китайские исследователи. Так, Ли Юнган описывает такой способ убийства младенца, как утопление во время родов. «Сразу же после появления его на свет мать опускается с ним под воду и находится там до тех пор, пока младенец не задохнется» [3]. Пан Гу отмечает, что «по религиозным убеждениям даже императоры традиционного китайского общества отказывались от первых новорожденных» [4]. Древний философ Хань Фэй-цзы утверждает, что «наибольшее количество убиваемых младенцев было среди девочек» [6]. Таким образом, физическое умерщвление детей являлось культурной нормой в традиционном обществе Китая. Оно было вызвано не варварскими обычаями далеких китайских предков, а необходимостью выживания всего племени в сложнейших природных условиях.

Устное народное творчество китайского народа сохранило некоторые аспекты данного обычая, закодированные в сюжетах мифов, бытовых сказках, легендах и преданиях. В Китае,

по мнению фольклористов, насчитывается более 70 версий историй о проявлениях инфантицида. Например, в мифе о подземном царстве Диюй, состоящем из десяти судилищ, повествуется, что седьмое судилище управляется Тайшань-ваном, оно предназначено для тех, кто бросил новорожденного [4]. В одном из китайских преданий говорится о том, как отец продал своего сына в рабство, чтобы за полученные деньги накормить умирающую от голода мать. При этом он исходил из того, что жена еще родит ему ребенка, а другой матери у него не будет [9].

В раннем литературном памятнике Древнего Китая «Весны и Осени господина Люя» содержится фрагмент мифа о происхождении иньского Тана – мифического героя, основателя династии Шан-Инь. В нем повествуется: «Женщина из рода Владеющих Шэнь собирала шелковицу и нашла в дупле ребенка. Отдала его своему правителю, он поручил его воспитывать повару» [11, с. 139]. Содержание этих мифов подтверждает наше предположение о том, что в архаические времена распространенным обычаем в Китае также было оставление лишних детей в лесу и горах, где большинство из них погибало. Этот древний обычай китайцев записан Сыма Цянем в его труде «Исторические записки (Ши цзи)» [5]. Кстати, в славянском фольклоре известна сказка «Морозко», в которой дед по велению злой бабы вынужден был отвезти в зимний лес свою родную дочь и оставить ее там на произвол судьбы.

Случаи детоубийства описаны в трудах Бао Цан Цзина, Лю Шохуа, Ван Сихая [10]. Об отношениях детей и родителей в китайском обществе, в том числе инфантициде, в фантастическом жанре рассказывает современный китайский прозаик Лю Цысинь в повести «Забота о Боге» [2].

Исследование ряда традиционных обществ других этносов показывает, что детоубийство существовало в архаический период у всех народов древности. Например, это было зафиксировано в законодательстве Древней Греции, инфантицид как культурную норму ревностно проповедовали Платон, Аристотель и другие античные мыслители. В Спарте каждый ребенок подвергался осмотру старейшин филы, если он оказывался слабым или уродливым, его относили на установленное место для умерщвления. В Риме выбрасывание детей производилось у так называемого Молочного столба. Данный обычай знали и

германцы, которые топили своих детей, и кельты, спускавшие их на щите по течению воды. У некоторых народов были даже установлены нормы численности оставляемых в живых детей в соответствии с условиями существования. Так, у эскимосов в каждой семье число детей не должно было превышать двух, остальных убивали без различия пола. На некоторых из Каролинских островов ввиду скудости физических условий ни одна женщина не имела права воспитывать больше 3 детей, остальные умерщвлялись.

Вместе с развитием китайского общества постепенно складывалось иное отношение к детям. Зарождавшаяся феодальная система, в которой наследование передавалось по линии отца, и единственным наследником являлся старший сын, выдвигала на первый план деторождение мальчиков. Изучение культуры архаического общества показывает, что все народные ритуалы Китая исходили именно из этой культурной нормы. Китайцам нужно было воспитать рабочую силу для развития крестьянского хозяйства, основой которого был мужчина. Поэтому рождение мальчика олицетворялось с приобретением силы и власти. Исследование древних текстов, выгравированных на костях и древних сосудах, подтверждает высказанную мысль. В них засвидетельствовано гадание правителей династий Шан (1700–1050 гг. до н. э.) и Чжоу (1045–771 гг. до н. э.) о рождении детей с пожеланием сыновей и внуков, которые должны быть хранителями драгоценных сосудов и культа предков. В более поздних текстах Восточной Чжоу (771–256 гг. до н. э.) также встречаются тексты, свидетельствующие об определенном отношении китайцев к детям [8].

Таким образом, в Китае постепенно начал складываться *постфигуративный* тип взаимоотношений между детьми и взрослыми. Ребенок воспринимался уже как необходимое, живое и полезное существо, у которого есть душа – источник жизненных сил. Рождение детей признавалось государством полезным, но сам ребенок все еще не играл весомой роли ни в социуме, ни в семье. Его образ еще оставался неясным, расплывчатым.

Сущность таких взаимоотношений поколений предельно ясно выражена в философско-этическом учении Конфуция, где изложены важнейшие принципы семьи, общества и государства. Правильность взаимоотношений взрослых и детей, на

взгляд философа, зависит от их воспитания, которое предполагалось осуществлять в неотрывной связи с коллективом, в недрах патриархальной китайской семьи.

1. Гегель, Г. В. Ф. *Философия права* : пер. с нем. / Г. В. Ф. Гегель ; ред. и сост.: Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.

2. Гончаров, Р. Е. Мотив геронтоцида в повести Лю Цисиня «Забота о Боге» / Р. Е. Гончаров // *Картина мира через призму китайской и белорусской культур* : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Минск, 14 дек. 2018 г. / редкол. : М. В. Мишкевич (науч. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 97–104.

3. Ли, Юнган. *Хоу Делу* / Юнган Ли. – Пекин : Компания Чжунхуа, 1958. – 50 с. – (на кит. яз.).

4. Пан, Гу. *Хань Шу* / Гу, Пан. – Сиань : Изд-во литературы и искусства Тайбэя, 2006. – 216 с. – (на кит. яз.).

5. Сыма, Цянь. *Исторические записки (Ши цзи)*: в 9 т. / Цянь Сыма ; пер. с кит. и коммент. : Р. В. Вяткина и В. С. Таскина ; под общ. ред. Р. В. Вяткина : вступ. ст. М. В. Крюкова. – Т. 1. – М. : Наука, 1972. – 439 с.

6. Хань, Фэй-цзы. *Хань Фэй-цзы Цюаньцзянь* / Фэй-цзы Хань. – Пекин : Китайская текстильная пресса, 2015. – 254 с. – (на кит. яз.).

7. Штернберг, Л. Я. *Первобытная религия в свете этнографии: исследование, ст., лекции* / Л. Я. Штернберг; сост. С. А. Ротнер-Штернберг; под ред. В. П. Алькора. – Изд. 2-е. – М. : URSS : Либерком, 2012. – 571 с.

8. Юань, Кэ. *Мифы Древнего Китая* / Кэ Юань ; пер. с кит.: Е. И. Лубо-Лесниченко [и др.] ; отв. ред. Б. Л. Рифтин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1987. – 526 с.

9. Kinnely, A. B. *Dyed silk: Han nations of the moral development of children Chinese views of childhood* / A. B. Kinnely. – University of Hawaii, 1995. – 352 p.

10. 王喜海 *《童年与儿童教育》*, 北京, 中国轻工业出版社, 2012年, 201页 – Ван, Сихай. *Детство и образование детей* / Сихай Ван. – Пекин: Пресса легкой промышленности Китая, 2012. – 201 с.

11. 吕不韦, *《吕氏春秋》*, 西安, 三秦出版社, 2008年, 146页 – Люй, Бувэй. *Весны и Осени господина Люя* / Бувэй Люй. – Сиань: Санцинъ изд-во, 2008. – 146 с.